

способов убеждения, хорошо известное риторам. Самое же сильное убеждение – обещание сказать новые и очень важные вещи, чтобы привлечь внимание аудитории; я, по просьбе слушателей, и перехожу к этому способу убеждения, то есть к украшению, возвещая им свое намерение сказать о новом, а именно о противоречии в моей душе, и также о важном – о мощи их звезды. И это я и выражаю в последних словах первой части:

«Души услышьте скорбные рыдания.
Вот в спор вступает дух астральный с ней
В сиянье ваших действенных огней».

Для полного понимания этих слов скажу, что упомянутый [дух] не что иное, как постоянная мысль о том, как бы возвеличить и украсить новую даму, о которой идет речь; душою же названа некая другая мысль, сопровождаемая согласием, которая, восставая против первой, возвеличивает и украшает память о прославленной Беатриче. Но так как разум в своем последнем волеизъявлении, то есть в согласии, все еще придерживался мысли, которую подкрепляла память, я называю одну мысль душою, а другую духом, подобно тому как городом мы называем тех, кто им управляет, а не тех, кто с ним борется, хотя и те и другие – горожане. Я говорю также, что упомянутый дух появляется вместе с лучами звезды; ибо надо знать, что лучи каждого неба – это путь, по которому сила небес нисходит к земным созданиям. Лучи не что иное, как некое сияние, исходящее из светящегося начала и проходящее через воздух до освещенного предмета; источником же света является часть звезды, так как остальное небо просвечивает, то есть оно прозрачно. Вот почему я говорю, что этот дух, то есть эта мысль, исходит не из всего третьего неба, но только из звезды Венеры. Она же благодаря благородству ее двигателей обладает величайшей властью над нашими душами и над другими нашими свойствами, несмотря на то, что даже при наибольшем приближении к земле она отстоит от нас на сто шестьдесят семь земных радиусов, если не больше, считая радиус равным трем тысячам двумстам пятидесяти милям. Таково буквальное толкование первой части канцоны.

VII.

Сказанных выше слов достаточно, чтобы можно было понять буквальный смысл первой части канцоны. Перехожу ко второй, в которой обнаруживается испытанный мною внутренний разлад. Эта часть имеет два раздела: в первом, то есть в первой строфе, я описываю, откуда истекают свойства этих происходящих во мне разногласий; далее, во второй строфе этой части, или третьей строфе всей канцоны, я привожу слова обеих сторон, однако в первую очередь слова той стороны, которая проигрывала.

Чтобы смысл первого раздела стал очевидным, надо знать, что название вещей должно соответствовать наиболее благородной стороне их существа, подобно тому как название человека соответствует его разуму, а не его чувству или чему-либо другому, менее благородному. Поэтому, когда говорят, что человек живет, следует понимать, что он пользуется своим разумом, в чем и заключается его особая жизнь и проявление наиболее благородной стороны его существа. Отсюда следует, что тот, кто отклоняется от разума и пользуется только чувственной стороной своего существа, живет не как человек, а как скотина; по словам отменнейшего Боэция, «живет как осел». Я смело утверждаю, что, поскольку мышление есть действие, свойственное разуму, постольку животные, разумом не обладающие, и не мыслят, причем я имею в виду не только низших животных, но и тех, которые, имея облик человека, дух имеют овцы или какого-либо другого отвратительного животного. Итак, я говорю, что жизнь моего сердца, то есть моего внутреннего существа, сводилась обычно к одной сладостной мысли (*soave* то же, что *suaso*, а именно ставший прекрасным, сладостным, приятным и улаждающим), мысли, не раз пребывавшей у ног Господина тех, к кому я обращаюсь, то есть Бога; иначе говоря, я, мысля, созерцал царство блаженных. Я называю конечную причину, почему я возносился, когда говорю:

«...внимало сердце, радостью дыша,
Как дама в царстве света прославлялась»,